

RU

Жизнь Лу Цзи: с писчей кистью и мечом

Семененко И. И.

Аннотация. Цель исследования - определить основные моменты, коллизии и особенности жизненного пути Лу Цзи на основе анализа биографических сведений о нем в ранних источниках. Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении различных аспектов биографии Лу Цзи, способствующем уточнению ее периодизации и более глубокому пониманию произведений поэта. Все фрагменты из жизнеописаний также впервые переведены на русский язык. В результате уточнены хронология этапов и периодизация биографии Лу Цзи, определены основные коллизии в ней, их связь с особенностями его мировоззрения и творчества, выявлены ассоциации между принципами политической технологии и поэтики главного произведения поэта.

EN

Lu Ji's Life: With an Ink Brush and a Sword

Semenenko I. I.

Abstract. The aim of the study is to determine the main points, collisions and peculiarities of Lu Ji's life path based on the analysis of biographical information about him in early sources. The scientific novelty lies in the comprehensive research of various aspects of Lu Ji's biography contributing to the refinement of its periodization and deeper understanding of the poet's works. All the fragments from biographies are also translated into Russian for the first time. As a result, the chronology of the stages and periodization of Lu Ji's biography are clarified, the main collisions in it, their connection with the peculiarities of his worldview and creativity are identified, and associations between the principles of political technology and the poetics of the poet's main work are revealed.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена большим значением биографических сведений о Лу Цзи (261-303 гг.) для изучения его творчества. Он был прославленным поэтом и одним из наиболее крупных литературных теоретиков раннесредневекового Китая. И хотя многое из написанного им утрачено, немало и дошло до нас, сохранилось также значительное количество биографических данных в источниках той эпохи, включая его жизнеописание *чжуань* 传 в династийной истории «Книга Цзинь» *Цзиньшу* 晋书 (была составлена в VII в. коллективом ученых во главе с Фан Сюаньлином 房玄龄). Но если отдельные произведения Лу Цзи в нашем отечественном китаеведении переводились и изучались, то биография до сих пор конкретно не рассматривалась, что тоже подчеркивает необходимость ее исследования.

Для достижения поставленной цели намечены следующие задачи: во-первых, отобрать и перевести тексты в ранних источниках, содержащие биографические сведения о Лу Цзи; во-вторых, уточнить хронологические границы и связи между отдельными моментами его биографии и провести ее периодизацию; в-третьих, выяснить значение переведенных фрагментов для понимания некоторых особенностей мировоззрения и творчества поэта.

В работе используются историко-типологический и комплексный подходы с применением методов исследования, разработанных в герменевтике, филологии, поэтике и риторике.

Теоретической базой исследования служат труды известных советских и российских китаеведов (Алексеев, 2002; Лисевич, 1979), а в более конкретном плане, касающемся непосредственно темы статьи, используются работы западных и китайских ученых (Hughes, 1951; Лю Юньхао, 2020), поскольку в отечественной синологии биография Лу Цзи специально не изучалась.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать материалы и выводы статьи в создании научных трудов и преподавании курсов по классической китайской литературе и поэтике. Они могут также изучаться на семинарских занятиях по классической китайской словесности.

Основная часть**Жизнь Лу Цзи по сведениям ранних источников**

Лу Цзи (261-303 гг.) жил в тот период, когда после крушения ханьской империи (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) страна распалась на три государства – Вэй 魏, Шу 蜀 и У 吴, т.е. возникло так называемое Троецарствие Саньго 三国 (220-280 гг.), и доминировавший в Вэй род Сыма 司马, узурпировав в нем власть, захватил два других царства и создал новую объединенную империю Цзинь, позднее названную Западной Цзинь 西晋 (265-317 гг.).

Сначала имеет смысл контурно обрисовать биографию Лу Цзи. Его жизнь делится на два периода, границей между которыми является завоевание в 280 г. царства У цзиньской империей, и каждый период в свою очередь включает несколько этапов. Таким образом, жизненный путь Лу Цзи можно представить в виде приводимой ниже схемы.

- I. Жизнь в родном царстве У (261-280 гг.).
 1. Детство и отрочество (261-274 гг.).
 2. Юношеские годы и участие в командовании войсками У (274-280 гг.).
- II. Жизнь под властью цзиньской империи (280-303 гг.).
 1. Затворничество в Хуатине (280-289 гг.).
 2. Чиновничья карьера при относительной стабильности цзиньской власти (289-299 гг.).
 3. Служба в годы разгоревшейся дворцовой междоусобицы (299-303 гг.).

I. Жизнь в родном царстве У**1. Детство и отрочество**

Во вводной части жизнеописания Лу Цзи из династийной истории «Книга Цзинь» *Цзиньшу* 晋书 мы читаем о нем: 陆机, 字士衡, 吴郡人也. 祖逊, 吴丞相. 父抗, 吴大司马. 机身长七尺, 其声如钟. 少有异才, 文章冠世, 伏膺儒术, 非礼不动 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1467). / «Лу Цзи, по второму имени Шихэн, уроженец области У. Его дед Сюнь был первым министром [царства] У, отец Кан – министром по военным делам. Цзи был семи *чи* ростом, с [зычным] как колокол голосом. Обладал с детства необыкновенными способностями, первенствовал среди современников в литературных произведениях. [Он также] от всего сердца почитал конфуцианское учение, “не делал ничего, что чуждо ритуалу” (Цит. по: Ранняя конфуцианская проза..., 2016, с. 127)» (здесь и далее перевод автора статьи. – И. С.). Уже по этим начальным сведениям ясно, что Лу Цзи от рождения принадлежал к высшей политической и военной элите царства У. Здесь еще можно уточнить, что его отец Лу Кан (226-274 гг.) был внуком одного из основателей усского царства Сунь Цэ 孙策 (175-200 гг.) (Записи о трех царствах, 1982, т. 5, с. 1354), а один из старших братьев – зятем последнего государя этой династии Сунь Хао 孙皓 (242-284 гг.). Литературные и конфуцианские влечения Лу Цзи тоже возрастали на родовой почве, в традиции семейного обучения. Двоюродный дядя его деда Лу Сюня (183-245 гг.) Лу Цзи 陆绩 (188-219 гг.), несмотря на то, что удостаивался высоких гражданских и военных чинов, к ним пристрастия не имел и прославился как большой эрудит и экзергет конца эпохи Хань, написавший комментарии к одной из книг «Пятиканония» – «Канону перемен» *Ицзин* 易经, пояснения к «Канону о великом сокровенном» *Тайсюаньцзин* 太玄经 Ян Сюна 扬雄 (53 г. до н.э. – 18 г. н.э.); изучал он и другие канонические книги: «Канон стихов» *Шицзин* 诗经, «Канон записей» *Шуцзин* 书经, «Записки о ритуалах» *Лицзи* 礼记 (Записи о трех царствах, 1982, т. 5, с. 1328-1329; Гу Чжаолу, 1994, с. 47).

2. Юношеские годы и участие в командовании войсками У

Но Лу Цзи уже с подросткового возраста наряду с учебой приобщался к практическим делам, поскольку после смерти отца в 274 г. он в четырнадцать лет вместе с несколькими своими братьями принял командование его войсками и даже получил звание «генерала знаменных врат» *ямэньцзян* 牙门将 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1467). Правда, допускается, что поначалу исполнение им военных обязанностей могло носить номинальный характер.

II. Жизнь под властью цзиньской империи**1. Затворничество в Хуатине**

Переломный момент в жизни Лу Цзи наступил через шесть лет, в 280 г., когда царство У было уничтожено цзиньским войском, два его старших брата погибли в сражении, но ему после разгрома их армии удалось спастись, и он вместе с младшим братом Лу Юнем 陆云 (262-303 гг.) укрылись в «родных местах» *цзю ли* 旧里, родовом поместье Хуатин 华亭 (Сучжоу в совр. пр. Цзянсу; по др. версии, вблизи совр. Шанхая), где они 闭门勤学, 积有十年 / «за закрытыми дверями предавались ученым занятиям на протяжении около десяти лет» (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1467).

В связи с тем, что в источниках ничего конкретно не говорится о том, как Лу Цзи удалось спастись и укрыться в Хуатине, китайские исследователи предлагают разные варианты, которые восполняли бы этот «пробел». Уже давно пытаются, например, найти какие-то свидетельства и намеки на то, что поэт был взят в плен и отвезен в Лоян 洛阳 (или со всей семьей – в Шоуян 寿阳) и только после освобождения, в 281 или 282 г., смог вместе с Лу Юнем и другими членами семьи вернуться в «родные места» (Цзян Цзяньюнь, 2001, с. 183-184; Лю Юньхао, 2020, т. 1, с. 69). По другому варианту, после разгрома усских войск ему сначала удалось бежать в столицу царства У Цзянье 建业 (или Цзянькан 建康), где должна была жить его семья, а потом уже

он укрылся вместе с братом в родном поместье (Лю Юньхао, 2020, т. 2, с. 703). Но все эти соображения остаются до настоящего времени в области более или менее обоснованных предположений. Что касается ученого затворничества братьев, зафиксированного в источниках, то оно как исторический факт, при всех вносимых в него хронологических и других уточнениях, ни у кого не вызывает сомнений.

Несомненно, что занятия Лу Цзи и Лу Юнь «за закрытыми дверями» не ограничивались одной учебой, а в значительной степени посвящались литературному и художественному творчеству. Вообще Лу Цзи в своем творческом наследии предстает как разносторонне одаренный автор, сочетавший в себе таланты поэта, эссеиста, историка, каллиграфа, художника, а также теоретика литературы, каллиграфии и живописи (Цзян Цзюи, 1982, с. 33). И его младший брат Лу Юнь был тоже очень талантлив. О нем в той же *Цзиньшу* читаем: 云字士龙, 六岁能属文, 性清正, 有才理. 少与兄机齐名, 虽文章不及机, 而持论过之 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1481). / «Юнь, по второму имени Шилун, с шести лет уже умел писать литературные произведения; по характеру был честен и прямым, обладал творческой способностью и систематичностью, с детства пользовался равной славой со своим старшим братом Лу Цзи и хотя уступал ему в литературе, но превосходил в способности аргументировать свою точку зрения...». Отсюда понятно, почему крупнейший критик VI в. Чжун Жун порой не отделял их друг от друга и называл «двумя Лу» *эр Лу* 二陆 (Чжун Жун, 2011, с. 24). Само родовое поместье братьев, красноречиво называвшееся Хуатин (в пер. «Цветущая беседка», первоначальное название «Среди облаков» Юньцзянь 云间), являлось весьма удобным местом для творческих занятий, ибо представляло собой напоминающий об идиллии «приятный уголок», в котором были и «чистые источники», и «густые рощи», и река с «прекрасной рыбой», плавающими на водной поверхности листьями бразении и множеством кричащих на берегу белых журавлей (Лю Юньхао, 2020, т. 1, с. 53-55). Братья в этом месте родились и выросли, что тоже не могло не способствовать их творчеству. Но сведений о произведениях, написанных ими тогда, сохранилось крайне мало. И их датировка, как правило, вызывает разные мнения. Самый яркий пример – наиболее выдающееся произведение Лу Цзи «Ода о литературе», о котором великий китайский поэт-классик Ду Фу 杜甫 (712-770 гг.) сообщал в одном из своих стихотворений: 陆机二十作文赋 (Ду Фу, 1957, т. 1, с. 57). / Лу Цзи уж в двадцать создал «Оду о литературе», т.е., получается, в 280 г., а значит, скорее всего, именно в начале хуатинского затворничества братьев. Но очень многие современные исследователи считают это сообщение Ду Фу лишенным каких-либо оснований, предполагая даже, что под *Вэньфу* у Ду Фу подразумевается не конкретное произведение, а *вэнь* 文 и *фу* 赋, под чем могут понимать «произведения, [относящиеся к] стихам и одам *ши фу вэньчжан* 诗赋文章» и т.п. (Цзян Цзяньюнь, 2001, с. 59). Другие исследователи, не усматривая какой-либо достоверности в приведенной строчке Ду Фу, все же допускают написание «Оды о литературе» в поздний период пребывания братьев в Хуатине (Чжан Шаокан, Лю Саньфу, 1996, т. 1, с. 187), но это тоже не более, чем гипотеза. В *Цзиньшу* говорится только об одном написанном Лу Цзи в то время произведении – достаточно большом историко-публицистическом труде «Рассуждение, расследующее гибель [государства] *Бянь ван лунь* 辨亡论 в двух книгах (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1467-1472). В нем автор рассказывает о заслугах своего деда и отца в укреплении государства У и причинах его поражения, обусловленного ошибочной политикой последнего усюкго государя. Впрочем, высказывается и другая точка зрения, относящая этот труд к 291 г., но тоже вполне гипотетическая (Лю Юньхао, 2020, т. 2, с. 738-739). В любом случае, такое интеллектуальное затворничество не могло не подготовить братьев к их весьма плодотворной литературной деятельности в последующие годы.

2. Чиновничья карьера при относительной стабильности цзиньской власти

Предпосылкой к расставанию братьев с идиллией Хуатина стал вышедший в 288 г. эдикт цзиньского императора Уди 武帝 Сыма Яня 司马炎 (236-290 гг., 266-290 гг. правл.), в котором говорилось: 令内外群官举清能, 拔寒素 / «приказываю всем чиновникам в столице и на местах рекомендовать честных и способных, выдвигать бедных и простых» (Книга Цзинь, 1974, т. 1, с. 78). Естественно, здесь речь шла об образованных «бедных», о тех, кого еще называли «бедными учеными» *ханьши* 寒士, а к ним не могла не относиться утратившая почти весь свой социальный статус элита бывшего царства У (тогда уже части цзиньской империи), включавшая и «двух Лу». Подобные меры императорский двор предпринимал не впервые. Уже в год своей победы над усцами, в 280 г. им стали 吴之旧望随才擢叙 (Книга Цзинь, 1974, т. 1, с. 72) / «выдвигаться на государственную службу в соответствии со способностями [представители] известных и влиятельных семейств и родов У». Проводилась такая практика и в последующие годы. Хотя, по одной из предполагаемых биографических версий, Лу Юнь поступал на службу в Цзинь в 281 г. и затем снова через несколько лет, но в соответствии с жизнеописанием Лу Цзи в *Цзиньшу* «два Лу» откликнулись на призыв цзиньского двора только после императорского эдикта 288 г. и, видимо, по рекомендации местных чиновников приехали в цзиньскую столицу Лоян в 289 г. (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1472). Другая версия отодвигает их приезд, как и начало служебной карьеры Лу Цзи, к 292 г. на основе сведений, приводимых поэтом в одном из его произведений, но в связи с возможностью по-разному интерпретировать сами эти сведения она до сих пор остается спорной.

По сравнению с хронологическими уточнениями принципиально важнее вопрос о мотивах решения братьев отправиться на государственную службу в столицу цзиньской империи. Многие китайские исследователи с полным основанием пишут о вынужденности такого решения, ссылаясь, в частности, на два поэтических цикла Лу Цзи о поездке в Лоян, включающие по два стихотворения: «Направляюсь в Лоян» *Фу Ло эр шоу* 赴洛二首, «Написано по дороге в Лоян» *Фу Ло дао чжун се эр шоу* 赴洛道中写二首. В первом из них прямо говорится о том, что поэт отправляется в путь, следуя «с почтительностью и осторожностью» царскому «приказу»,

а во втором приводятся такие красноречивые строки: 借问子何之, 世网婴我身 (Литературный сборник, 1959, т. 1, с. 572-574). / «Коль спросите, куда я направляюсь? Туда, где буду связан сетью мира». Под «сетью мира» имеется в виду служба цзиньской империи, и этот, казалось бы, вполне даосский мотив заглушается здесь жизненным контекстом братьев, вынужденных поступать на службу к политическим врагам своего деда и отца, т.е. приобретает конфуцианское звучание.

Цзиньшу так повествует о приезде братьев в Лоян, их встрече с одним из виднейших представителей столичной элиты, первом назначении Лу Цзи и его дальнейшем продвижении по службе: 至太康末, 与弟云俱入洛, 造太常张华. 华素重其名, 如旧相识, 曰:“伐吴之役, 利获二俊.”... 张华荐之诸公, 后太傅杨骏辟为祭酒. 会骏诛, 累迁太子洗马, 著作郎 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1472-1473). / «В конце периода *Тайкан* (280-290 гг. – И. С.) [Лу Цзи] вместе с младшим братом Юнем прибыли в Лоян и нанесли визит министру по ритуалу Чжан Хуа. Хуа, ценявший [еще до встречи с ними] их имена, отнёсся к ним как к давним знакомым и сказал: “Карательный поход против У был выгоден уже тем, что [нам] достались [вы], два выдающихся таланта”. <...> Чжан Хуа рекомендовал их многим высокопоставленным чиновникам, и позднее великий наставник Ян Цзюнь назначил Лу Цзи [своим] возливателем жертвенного вина. Когда Цзюнь был казнен, [Лу Цзи] последовательно продвигался по [службе и назначался] вестником наследного принца, составителем государственной истории». Чжан Хуа (232-300 гг.) был одним из ведущих политических деятелей, поэтов и ученых того времени, и его поддержка братьев способствовала их достаточно быстрому вхождению в круги чиновничьей и литературной элиты столицы. В то же время литературная слава Лу Цзи и Лу Юня стала настолько стремительно расти, что они, по замечанию в династийной истории, смогли очень быстро затмить таких известнейших тогда поэтов, как «три Чжана» – братья Чжан Цзай 张载 (?-?), Чжан Се 张协 (?-307 гг. н.э.) и Чжан Кан 张亢 (?-?): 洎乎二陆入洛, 三张减价 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1525). / «Когда приехали два Лу в Лоян, уменьшилась слава трех Чжанов».

Но при всем их успехе положение Лу Цзи и Лу Юня с самого начала было противоречивым. Как выходцы из У, южной по отношению к Лояну территории, они воспринимались северной цзиньской знатью не только политическими чужаками, с которыми та прежде воевала, но и представителями более отсталых в экономическом и культурном плане областей империи. Поэтому в публичной жизни блеск славы не защищал «двух Лу», да и других служивших с ними усцев, от постоянных, едва скрываемых или даже совершенно явных, унижений. Пренебрежительное отношение к ним, к представляемой ими культуре, даже бытовой, со стороны многих цзиньцев было обычным явлением. В династийной истории сразу после встречи братьев с Чжан Хуа приводится эпизод об их посещении одного из придворных сановников и генералов, Ван Уцзы или Ван Цзи 王济 (?-?), повторяющий с небольшими изменениями рассказ об этом из памятника V в. н.э. «Новые рассказы, поведенные в мире» *Шишо синьюй* 世说新语: 陆机诣王武子, 武子前置数斛羊酪, 指以示陆曰:“卿江东何以敌此?” 陆云:“有千里莼羹, 但未下盐豉耳” (Лю Ицин, 1989, т. 1, с. 48). / «Когда Лу Цзи посетил Ван Уцзы, тот поставил перед ним несколько ху (мера сыпучих тел, равная 10 или 5 доу 斗 – декалитрам – И. С.) козьего творога и, указывая на них, спросил: “А что могло бы сравниться с этим у вас на востоке от Янцзы”? Лу Цзи ответил: “Похлебка из бразении с “Тысячемильного” [озера], хотя еще и не [приправленная] соленым соусом из сои”». Ван Уцзы решил посмеяться над Лу Цзи, унижить своего гостя и показать на примере одного из кушаний низкий уровень, примитивность южной культуры, которая ни в чем не может сравниться с северной. В «знаменитом ответе» *мин дуй* 名对 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1473) Лу Цзи «похлебка из бразении» не только признается равной по качеству с «козьим творогом», но утверждает и ее превосходство над ним при добавлении в нее соответствующей приправы. Здесь поэт хотя и не совсем прямо, слегка завуалированно, высказывает противоположную позиции оппонента мысль о превосходстве южной культуры над северной. Но в случае более серьезных унижений Лу Цзи не стеснялся в выражениях и мог отвечать оскорблением на оскорбление. Так, например, он повел себя с представителем одного из знатных родов Лу Чжи (?-312 гг. н.э.), когда тот вздумал оскорбить его, назвав в нарушение этикета отца и деда Лу Цзи по их табуированным для посторонних именам *мин* 名, и поэт ответил ему в той же манере: 卢志于众坐问陆士衡:“陆逊、陆抗, 是君何物?” 答曰:“如卿于卢毓、卢瑗.” 士龙失色. 既出户, 谓兄曰:“何至如此, 彼容不相知也?” 士衡正色曰: 我祖名播海内, 宁有不知? 鬼子敢尔!”... (Лю Ицин, 1989, т. 1, с. 167-168). / «Лу Чжи, находясь среди других сидевших, спросил Лу Цзи: “В каком отношении находится господин к Лу Сюню и Лу Кану”? Лу Цзи ответил: “В таком же, как вы – к Лу Юю и Лу Тину”. Лу Юнь побледнел. Когда [они] вышли за дверь, [он] спросил старшего брата: “Зачем доходить до такой [грубости]?! Может быть, он [на самом деле] ничего не знает о [нашей семье]”. Лу Цзи с суровым выражением лица сказал: “Имена нашего отца и деда были распространены всюду в пределах морей, как могут [они] быть неизвестными?! Только сын нави посмел бы так [говорить], как [он]!”». Лу Цзи не принимал унижения и, невзирая на лица, смело защищал достоинство своего рода и родного края. И он о них никогда, где бы ни находился, не забывал, о чем с проникновенностью свидетельствует один из эпизодов в *Цзиньшу*: 初机有骏犬, 名曰黄耳, 甚爱之. 既而羁寓京师, 久无家问, 笑语犬曰: “我家绝无书信, 汝能赍书取消息不?” 犬摇尾作声. 机乃为书以竹筒盛之而系其颈, 犬寻路南走, 遂至其家, 得报还洛. 其后因以为常 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1473). / «У Лу Цзи издавна была отличная собака, по имени “Желтое ухо”, [он] ее очень любил. Переехав жить в столицу, он долгое время не получал известий из дома, и, улыбаясь, сказал собаке: “Из дома совсем нет писем, ты не могла бы передать письмо и принести новости?” Собака завиляла хвостом и гавкнула. Тогда Цзи написал письмо, засунул его в бамбуковую трубку и привязал к шее собаки, и она побежала по дороге на юг, добралась до его дома и, получив ответ, вернулась в столицу. После этого он стал так делать постоянно».

Но «два Лу» все же изредка имели некую «отдушину» – возможность хотя бы недолго побывать в родных местах. Одной из таких возможностей был практиковавшийся тогда отпуск *цзя* 假, время, предоставляемое

чиновнику для отдыха от службы. В источниках сохранился рассказ о том, как Лу Цзи, побывав в отпуске на родине, возвращался в Лоян и по дороге встретился с грабителями. Этот эпизод интересен тем, что показывает в характере поэта и теоретика литературы такие черты, как самообладание и наличие харизматической способности положительно влиять на различных людей: 戴渊少时游侠, 不治行检, 尝在江淮间攻掠商旅. 陆机赴假还洛, 輜重甚盛. 渊使少年掠劫, 渊在岸上, 据胡床指麾左右, 皆得其宜. 渊既神姿峰颖, 虽处鄙事, 神气犹异. 机于船屋上遥谓之日: “卿才如此, 亦复作劫邪?” 渊便泣涕, 投剑归机, 辞厉非常. 机弥重之, 定交, 作笔荐焉. 过江, 仕至征西将军 (Лю Ицин, 1989, т. 2, с. 345). / «Дай Юань (по второму имени Жосы若思, 269-322 гг. – И. С.) в молодости был странствующим удальцом, не соблюдал правила поведения и между реками Янцзы и Хуай грабил купцов и путников. Лу Цзи, побывав в отпуске [в У], возвращался в Лоян, и [у него] было очень много вещей в багаже. Юань послал молодых людей отобрать их, а сам, оставаясь на берегу, сидел на складном веревочном стуле и давал окружающим указания, чтобы все делалось надлежащим образом. А вида он был очень внушительного, выдающегося, и хотя занимался низким делом, его дух и манеры были необыкновенными. Лу Цзи сидел в кабине лодки и, глядя на него издали, сказал ему: “Как ты можешь с такими способностями, как у тебя, заниматься грабежом?” Юань сразу же разрыдался, отбросил меч и выразил ему свою верность. Говорил он при этом необычайно искренне. Лу Цзи его все больше уважал, установил с ним дружеские отношения и написал для него рекомендательное письмо. [И он], переправившись через Янцзы [в Цзинь], дослужился до [звания] “генерала, карающего Запад”».

Отпуск отпуском, но он мог только смягчить (да и то, если не встретишь по дороге разбойников), а никак не устранить те отмеченные выше нравственные и психологические трудности, с которыми сталкивались братья с самого начала своей успешной карьеры в столице. Вместе с тем были и более серьезные, политические, осложнения, связанные с упомянутой выше казнью первого начальника Лу Цзи, Ян Цзюня (?-291 гг. н.э.), тестя императора Уди. Ссылаясь на нее, часть китайских исследователей отвергают достоверность сообщения о поступлении к нему на службу Лу Цзи, однако, по резонному мнению других, казнь Ян Цзюня не ставит под сомнение, а только ограничивает эту службу временем пребывания Ян Цзюня на посту «великого наставника»: между серединой 290 г. и третьим месяцем 291 г.

Устранению Ян Цзюня предшествовали два политических события предыдущего года: смерть Уди и вступление на престол его умственно отсталого сына императора Хуэйди 惠帝 Сыма Чжуна 司马衷 (259-307 гг.), безвольной марионетки в руках своей главной жены императрицы Цзя хоу 贾后 – Цзя Наньфэн 贾南风 (257-300 гг.). Она-то и подготовила казнь Ян Цзюня, втягивая в свой заговор многочисленных принцев (*ванов* 王) – членов императорского рода. Она же по поддельному императорскому указу разжаловала в простолюдинки и в следующем году уморила голодом его дочь, вдовствующую императрицу; были также казнены все их влиятельные родичи и сторонники, а родственники и ставленники новой императрицы назначены на ключевые посты. В результате Цзя хоу фактически захватила верховную власть в империи на последующее десятилетие до 299 г., когда она сначала разжаловала, а в 300 г. убила наследного принца, но вскоре саму ее тоже казнили, и принцы повели между собой кровавую борьбу за власть, продолжавшуюся до 306 г. Описанные выше события 291 и 299-306 гг. получили в китайской истории название «распри восьми принцев» *ба ван чжи луань* 八王之乱. Их могут в научной литературе разделять на два этапа – первый и второй – или ограничивать только вторым, но очевидна их целостность как единого политического процесса борьбы за власть внутри императорского клана. И этот процесс очень напоминает драматический сюжет с завязкой (291 г.), определяющей конфликт, плавным развитием действия (291-299 гг.), скрытно отражающим дальнейшее «вызревание» конфликтной ситуации, и кульминацией, включающей также развязку (299-306 гг.). По проведенной аналогии, «два Лу», особенно Лу Цзи, были среди заметных «персонажей» этой драматической истории, и все их публичные действия и поступки составляли органическую часть ее «сюжетики» – «распрей восьми ванов». Символично, что она началась одновременно с первым придворным назначением Лу Цзи, но ему не удалось уцелеть до ее «развязки». Для понимания Лу Цзи не только как человека, но и автора, нелишне хотя бы кратко проследить его служебную карьеру в этот весьма турбулентный момент китайской истории.

На упомянутую выше в *Цзиньшу* должность «вестника наследного принца» Сыма Юя 司马邈 (278-300 гг.) Лу Цзи переходит после казни Ян Цзюня в том же году и служит в составе приближенных августейшего наследника около двух лет вместе с Лу Юнем, занимающим пост «секретаря наследного принца» *тайцзы шэжэнь* 太子舍人. Это были должности хотя и невысокие, но достаточно престижные. Видимо, именно тогда они познакомились с Цзя Ми 贾谧 (?-300 гг. н.э.), племянником императрицы Цзя, тоже служившим в то время у наследного принца. Благодаря общению с ним Лу Цзи и Лу Юнь стали членами сгруппировавшегося вокруг него литературного салона под названием «Двадцати четырех друзей» *Эр ши сы ю* 二十四友. В эту группу входили, кроме них, еще такие известные поэты того времени, как Цзо Сы 左思 (250-305 гг.), Пань Юэ 潘岳 (247-300 гг.), Лю Кунь 刘琨 (270-318 гг.), создатель первой литературной антологии Чжи Юй 挚虞 (250-300 гг.). В «Книге Цзинь» дается колоритная характеристика организатора этого кружка: 谧好学, 有才思. 既为充嗣, 继佐命之后; 又贾后专恣, 谧权过人主, 至乃锁系黄门侍郎, 其为威福如此. 负其骄宠, 奢侈逾度. 室宇崇僭, 器服珍丽, 歌僮舞女, 选极一时. 开阁延宾, 海内辐凑, 贵游豪戚及浮竞之徒, 莫不尽礼事之. 或著文章称美谧, 以方贾谊 (Книга Цзинь, 1974, т. 4, с. 1173). / «Цзи Ми любил учиться, обладал способностью к литературе и построению замыслов. Как потомок Цзя Чуна (одного из наиболее влиятельных министров раннего периода цзиньской империи, жившего в 217-282 гг. – И. С.), он наследовал [этому] помощнику основателя императорского дома; также пользовался особой благосклонностью императрицы Цзя, и обладал властью большей, чем у государя, позволявшей ему взять под стражу советника двора – до таких злоупотреблений властью он доходил! Пользуясь благосклонностью

императрицы, был высокомерен и не знал меры в роскоши. [Его] дом превышал допустимые положением [Цзя Ми] размеры, посуда и одежда блистали редкостной красотой, [а для представлений] отбирались лучшие в то время мальчишки-певцы и танцовщицы. Двери дома [у него] были открыты для гостей, которые со всей империи [сходились к нему] как спицы колеса в ступице. Нигде не служащие знатные особы, влиятельные императорские родственники, а также те, кто состязаются за славу и богатство, обязательно старались, проявляя максимальную учтивость, посетить его. [Когда же] кто-либо в своем произведении хвалил Цзя Ми, то [обычно] сравнивал его с Цзя И (однофамилец Цзя Ми, выдающийся одописец II в. до н.э. – И. С.). По приведенной классификации «гостей» Цзя Ми многие литераторы его кружка формально попадали в число «тех, кто состязаются за славу и богатство» *фу цзин чжи ту* 浮竞之徒. Однако между ними в этом плане были немалые различия. Так, Лу Цзи, действительно, 好游权门, 与贾谧亲善, 以进趣获讥 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1481) / «любил общаться с влиятельными семьями, был близок и дружен с Цзя Ми и за настойчивость в своем продвижении [по службе] [даже] подвергался насмешкам», но его трудно считать настоящим карьеристом и корыстолюбцем (История китайской эстетики, 1990, т. 2, с. 243), в отличие, например, от таких членов кружка, как разделявший с ним славу выдающегося поэта Пань Юэ или богатейший человек того времени, крупный чиновник и литератор Ши Чун 石崇 (249–300 гг.): 岳性轻躁, 趋世利, 与石崇等谄事贾谧, 每候其出, 与崇辄望尘而拜 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1504). / «Пань Юэ был по характеру беспечен и импульсивен, гнался за земными благами, вместе с Ши Чуном и другими подобострастно угождал Цзя Ми; всякий раз, когда тот появлялся, он и Ши Чун всегда кланялись [поднятой от его повозки] пылью». «Два Лу» такого подобострастия к власти претерпевшей не проявляли, и если Лу Юнь отличался мягкостью характера, то Лу Цзи, судя по приводившимся ранее записям его общения с вышестоящими чиновниками и правителями, были свойственны принципиальность и смелость.

Братья отнюдь не всегда и одновременно вместе служили в столице. В 294 г. Лу Цзи назначается начальником внутренней охраны (*ланчжунлин* 郎中令) усского принца У ван 吳王 Сыма Яня 司马晏 (281–311 гг.) в Хуайнани (недалеко от Хуатины!), а Лу Юнь в том же году становится главой уезда Цзюньи (*Цзюньи лин* 浚仪令), где проявляет себя как способный руководитель, но из-за зависти областного начальства уходит и с 296 г., когда Лу Цзи был отозван на придворную службу в столицу, служит на его должности у принца Яня до 298 г. Что касается Лу Цзи, то он, уехав в Лоян, на протяжении последующих нескольких лет продолжает успешно продвигаться по ступеням служебной лестницы, занимая последовательно разные посты при императорском дворе вплоть до упомянутой выше должности составителя государственной истории.

3. Служба в годы разгоревшейся дворцовой междоусобицы

На этой должности он и встретил критический 299 г., начинающий кульминационный момент в «распрях восьми принцев»: организованное императрицей Цзя разжалование наследного принца и его убийство в следующем году. Возбужденные узурпаторскими амбициями Цзя хоу, принцы выступили против нее, и один из них, чжаоский принц Чжао ван 赵王 Сыма Лунь 司马伦 (?–301 гг. н.э.), дядя покойного Уди, в 300 г. добивается полной власти над императорским двором, по подложному эдикту переводит императрицу в разряд простолудинок, а после казнит вместе с ее влиятельными сторонниками (среди них были и упоминавшиеся ранее Цзя Ми, Чжан Хуа, Пань Юэ), себя же сначала провозглашает канцлером *сянго* 相国, затем в 301 г., низложив Хуэйди, – императором. В процессе этого дворцового переворота Лу Цзи продолжает успешно продвигаться по службе: самозванный канцлер назначает его своим военным помощником (*цаньцзюнь* 参军), перед тем, как узурпировать престол, – секретарем государственной канцелярии (*чжуншунлан* 中书郎), после узурпации – советником двора (*хуанмэньлан* 黄门郎). Против Сыма Луня сразу выступают несколько принцев и губернаторов областей, они наносят ему поражение и казнят, а среди них вновь появляется наиболее вероятный на тот момент претендент на престол – циский принц Ци ван 齐王 Сыма Цзюнь 司马冏 (?–302 гг. н.э.), который отправляет Лу Цзи в тюрьму по ложному обвинению в написании для Сыма Луня документов по отречению Хуэйди от власти. Поэта оправдывают, спасая от неминуемой казни, два других принца, воевавших вместе с Цзюнем против узурпатора. В *Цзиньшу* об этих событиях читаем: 赵王伦辅政, 引为相国参军. 豫诛贾谧功, 赐爵关内侯. 伦将篡位, 以为中书郎. 伦之诛也, 齐王冏以机职在中书, 九锡文及禅诏疑机与焉, 遂收机等九人付廷尉. 赖成都王颖, 吴王晏并救理之, 得减死徙边, 遇赦而止 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1473). / «Когда чжаоский принц [Сыма] Лунь стал помогать [императору] в управлении страной (т.е. стал канцлером. – И. С.), то выдвинул [Лу Цзи] [на пост] военного советника канцлера. За содействие в наказании Цзя Ми пожаловал его титулом гуаньчжунского хоу, а собираясь захватить трон, назначил секретарем государственной канцелярии. После казни Луня, поскольку Цзи выполнял обязанности в государственной канцелярии, циский принц Цзюнь, заподозрив его в том, что он принимал участие в составлении текста о “девяти дарах” и эдикта об отречении (документы, издававшиеся при отречении императора от власти. – И. С.), арестовал его и еще девять человек и передал их главе уголовного приказа. Но благодаря поддержке и разъяснению чэндуского принца Сыма Ина и усского принца Сыма Яня смертная казнь была заменена [для него] ссылкой на границу; попав же под [общую] амнистию, [он] остался в столице».

С тех пор, на оставшиеся два последних года своей жизни, Лу Цзи и Лу Юнь переходят на службу к принцу Сыма Ину 司马颖 (279–306 гг.). В *Цзиньшу* объясняются мотивы, какие побуждали Лу Цзи и его брата сменить своего покровителя: 时成都王颖推功不居, 劳谦下士. 机既感全济之恩, 又见朝廷屡有变难, 谓颖必能康隆晋室, 遂委身焉. 颖以机参大将军军事, 表为平原内史 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1479). / «В то время чэндуский принц Ин не выставлял своих заслуг, старался скромно вести себя с низшими учеными. Лу Цзи, будучи благодарным

ему за милость, [проявленную им в его] спасении, и также видя, как часто испытывает потрясения императорский двор, считал, что Ин непременно сможет привести цзиньский дом к стабильности и процветанию, поэтому поставил себя на его службу. Ин допустил Цзи к участию в военных делах главного полководца, а вне [столицы] назначил управляющим Пинъюаня». Судя по приведенному отрывку, мотивация у Лу Цзи была вполне конфуцианская, нацеленная на «помощь миру» *цзи ши* 济世, и самого Сыма Ина он оценивает по тому же критерию наиболее положительно по сравнению с другими принцами, которым ему приходилось служить. У Сыма Ина, видимо, тоже был особый расчёт на братьев, происходивших из рода прославленных потомственных полководцев, поскольку принц сразу начал привлекать Лу Цзи к командованию войсками, и также он поступал в отношении Лу Юня (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1484).

Тем временем «распри» продолжались своей чередой. В 302 г. Сыма Цзюна ожидало то же, что случилось с Сыма Лунем: разгром и казнь. Место же циского принца опять поспешил занять очередной любитель покушаться на престол – чаншаский принц *Чанша ван* 长沙王 Сыма И 司马义 (276-303 гг.), в руках которого оказались столица и император. Тогда в военный поход на него вместе с еще одним принцем «поднял войска» *цзюй бин* 举兵 Сыма Ин: «временно назначив» *цзя вэй* 假为 Лу Цзи на должности генерала тыла *хоу цзянцзюнь* 后将军 и генерал-губернатора Хэбэя *Хэбэй дадуду* 河北大都督, он поручил ему вести армию на штурм Лояна.

Но само это поручение уже в какой-то степени предопределило провал предпринятого похода. Лу Цзи было приказано руководить объединенными войсками нескольких цзиньских полководцев, а они к нему относились как к неожиданно поставленному выше них «пришломому», «чужаку» *цзилюй* 羈旅 из некогда поверженного царства У, и испытывали к нему «в душе зависть» *синь хай* 心害 и «чувство ненависти» *юань синь* 怨心. К тому же *以三世为将, 道家所忌* (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1479) / «даосами налагалось табу на то, чтобы Цзи был генералом в третьем поколении». Прекрасно зная все это, Лу Цзи попытался отказаться от предложенного назначения, но Сыма Ин не принял его отказа и сказал ему: 若功成事定, 当爵为郡公, 位以台司, 将军勉之矣! (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1479). / «Если достигнете в этом деле успеха, то получите титул *гуна* области, займете положение одного из высших придворных чиновников, приложите усилия, генерал!». Отвечая ему, Лу Цзи даже в этой, по существу, безвыходной для себя ситуации проявлял независимость в высказывании своего мнения: 昔齐桓任夷吾以建九合之功, 燕惠疑乐毅以失垂成之业, 今日之事, 在公不在机也 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1479). / «В прошлом циский Хуань доверял Гуань Чжуну и тем самым совершил великое дело девяти объединений, а яньский Хуэй усомнился в Юэ И и тем самым упустил победу на краю успеха. Нынешнее дело зависит от вас, не от меня». Гуань Чжун или Гуаньцзи 管子, по имени Иу (?-645 гг. до н.э.), ранний китайский реформатор, будучи первым советником циского князя Хуаньгуна (князя Столпа) Ци Хуаньгун 齐桓公 (685-643 гг. прав.), сумел много раз сделать его гегемоном, главой союза князей. Что касается яньского царя Хуэя (Милостивого) Янь Хуэйван 燕惠王 (279-272 гг. прав.), то он из-за своего недоверия к Юэ И (?-?), служившему его отцу и одержавшему для их царства славные победы, вынудил бежать этого знаменитого полководца в другое государство и потерпел полное поражение от уже почти побежденного царства Ци. Здесь идет речь, конечно, не о доверии со стороны Ина к Лу Цзи – на тот момент его вполне хватало, – а о том, насколько правильно, умно поступает принц в конкретной военно-политической ситуации. Давний завистник и враг Лу Цзи, доверенное лицо принца Лу Чжи (?-312 гг. н.э.) сразу «ухватил» скрытый смысл, намек в ответе и поспешил доложить об этом своему патрону: 颖长史卢志心害机宠, 言于颖曰: "陆机自比管乐, 拟君暗主, 自古命将遣师, 未有臣陵其君而可以济事者也." 颖默然 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1479-1480). / «Левый помощник министра у Сыма Ина Лу Чжи в душе завидовал Лу Цзи за благосклонность [к нему принца] и сказал Ину: "Лу Цзи сравнивает себя с Гуаньцзи и Юэ И, а Вас уподобляет глупому правителю, но с древности среди назначенных командовать и посылать войска еще не было подданных, которые могли бы, приняжая своего государя, добиваться успеха". Ин промолчал».

В изложении *Цзиньши* Лу Цзи на месте главнокомандующего с самого начала преследовали дурные предзнаменования: 机始临戎, 而牙旗折, 意甚恶之. 列军自朝歌至于河桥, 鼓声闻数百里, 汉、魏以来, 出师之盛, 未尝有也. 长沙王义奉天子与机战于鹿苑, 机军大败, 赴七里涧而死者如积焉, 水为之不流 ... (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1480). / «Когда Лу Цзи прибыл в размещение войск, его [генеральское] знамя с [наконечником] из слоновой кости сломалось, и в душе это ему очень не понравилось. Лу Цзи расставил войска от Чжаоэ до Хэцзяо, бой барабанов был слышен на несколько сотен *ли*, со [времени правления] Хань и Вэй еще не посылали в сражение такой многочисленной армии. Чаншаский принц Сыма И, получив [приказ] Сына Неба, сразился с Лу Цзи в Луюане, и войска Лу Цзи потерпели сокрушительное поражение, мертвых, попавших в реку Семь *ли*, скопилось столько, что она из-за них не могла течь...». После этого вполне ожидаемо Лу Цзи подвергся со стороны близкого принцу Сыма Ину евнуха Мэн Цзю клеветническому обвинению в измене, которое охотно подтвердили многие ненавидевшие его генералы и чиновники. Клевета о предательстве Лу Цзи стала распространяться среди военного руководства еще до сражения: 初宦人孟玖弟超并为颖所嬖宠. 超领万人为小都督, 未战, 纵兵大掠. 机录其主者. 超将铁骑百余人, 直入机麾下夺之, 顾谓机曰: "貉奴能作督不!" 机司马孙拯劝机杀之, 机不能用. 超宣言于众曰: "陆机将反." 又还书与玖言机持两端, 军不速决. 及战, 超不受机节度, 轻兵独进而没. 玖疑机杀之, 遂潜机于颖, 言其有异志. 将军王阐、郝昌、公师藩等皆玖所用, 与牵秀等共证之 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1480). / «В начале младший брат евнуха Мэн Цзю Чао вместе с Лу Цзи пользовался благосклонностью Ина. Чао, получив десять тысяч войска, был назначен младшим командующим и еще до начала сражения отправил солдат совершать грабежи. Лу Цзи арестовал их главаря. Чао с более чем сотней одетых в доспехи всадников ворвался в [расположение] войск Лу Цзи, отнял [арестованного главаря] и, оглянувшись, сказал Лу Цзи: "Может ли какой-то инородец-раб быть главнокомандующим"?! Старший военный советник Лу Цзи Сунь Чжэн (уроженец царства У; когда оно еще существовало, служил в нем советником двора; ?-303 гг. жизни. – И. С.) посоветовал Лу Цзи

казнить его, но Лу Цзи не послушался. А Чао объявил всем: “Лу Цзи замышляет мятеж”. И также послал письмо Мэн Цзю, в котором говорил, что Лу Цзи – двурушник, не спешит давать решающего [сражения]. Когда началось сражение, Чао, не получив приказа Лу Цзи, с небольшим отрядом один стал наступать и погиб. Мэн Цзю заподозрил Лу Цзи в том, что он убил его, и оклеветал Лу Цзи перед Ином, сказав, что у него было намерение совершить предательство. Военачальники Ван Чань, Хао Чан, Гунши Фань и другие были использованы Мэн Цзю, и все, вместе с Цянь Сю (один из полководцев, участвовавший в походе. – И. С.), это подтвердили». Последовала неминуемая развязка: 颖大怒, 使秀密收机. 其夕机梦黑纛绕车, 手决不开. 天明而秀兵至. 机释戎服, 著白帟, 与秀相见, 神色自若, 谓秀曰: “自吴朝倾覆, 吾兄弟宗族蒙国重恩, 入侍帷幄, 出剖符竹. 成都命吾以重任, 辞不获已. 今日受诛, 岂非命也!” 因与颖笺, 词甚凄恻. 既而叹曰: “华亭鹤唳, 岂可复闻乎!” 遂遇害于军中, 时年四十三. 二子蔚夏亦同被害 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1480). / «Сыма Ин сильно разгневался и приказал Цянь Сю скрытно арестовать Лу Цзи. В ту ночь Лу Цзи увидел во сне повозку с обернутым вокруг черным занавесом, который не мог разорвать руками. На рассвете подошел Цянь Сю с солдатами. Лу Цзи снял воинское облачение, надел обычную шапку, и когда встретился с Цянь Сю, сохраняя полное спокойствие и выдержку, сказал ему: “С тех пор, как династия У была свергнута, меня и младшего брата удостоили великой милостью от государства, допускали присутствовать в шатре [главнокомандующего], отправляли разрезать бамбуковые бирки (т.е. руководить войсками, используя розданные подчиненным половинки разрезанных пополам верительных бирок, подтверждающие при их сличении достоверность приказа. – И. С.). Чэндуский принц приказал мне [взять на себя] тяжелую ответственность, я отказывался, но безуспешно. И вот теперь меня казнят. Разве это не судьба?!” Затем он написал письмо Сыма Ину, [полное] очень печальных слов. Вскоре после этого [он], вздохнув, сказал: “Смогу ли снова услышать в Хуатине крики журавлей?!” И был казнен в [расположении] войск, в то время ему было сорок три года. Его два сына, Вэй и Ся, были вместе с ним тоже казнены». Вскоре по тому же ложному делу об «измене» Лу Цзи казнили также Лу Юня и намного менее известного, чем они, последнего, самого младшего из братьев Лу Даня 陆耽 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1484-1486).

Главная морально-политическая проблема и ее литературное решение

Завершая эту тему, нельзя не коснуться вопроса о моральной оценке Лу Цзи в связи с тем, что он весьма небезразлично относился к своей чиновничьей карьере. В данном случае особенно спорной в нравственном смысле становится его служба в последние годы жизни правителям, всецело занятым борьбой за личную власть. Выше уже отмечалось, что он явно не походил на обычного карьериста. Но тогда зачем ему надо было служить на фоне тех известных поэтов и чиновников, которые из протеста против действий принцев предпочитали под тем или иным предлогом уходить со службы? Так в 300 г. поступили упоминавшиеся ранее Цзо Сы и Чжан Се, а в 302 г. – Хэ Сюнь 贺循 (260-319 гг.). И Лу Цзи чувствовал «пристыженность» куй 愧 перед ними, исходно же – перед Конфуцием, за нарушение одного из его положений: 天下有道则见, 无道则隐. / «Есть в Поднебесной путь – будь на виду, а нет пути – скрывайся» (Ранняя конфуцианская проза..., 2016, с. 105), о чем писал в своих стихах, см. *Мэн ху син* 猛虎行 (Литературный сборник, 1959, т. 1, с. 605).

В *Цзиньшу* приверженность Лу Цзи к службе и нежелание с нее уходить объясняются его стремлением улучшить социально-политическое состояние общества: 时中国多难, 顾荣、戴若思等咸劝机还吴, 机负其才望, 而志匡世难, 故不从 (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1473). / «В то время на срединной равнине происходило много несчастий, Гу Жун (?-312 гг. н.э., внук канцлера царства У, вместе с “двумя Лу” переехал в Лоян и служил в Цзинь), Дай Жосы (о встрече с ним Лу Цзи см. выше. – И. С.) и другие советовали Лу Цзи вернуться в У, но он, полагаясь на свой талант и известность, стремился избавить мир от несчастий, поэтому не последовал [их советам]». Как отмечалось выше, его переход на службу к Сыма Ину тоже мотивируется желанием «привести цзиньский дом к стабильности и процветанию».

Но перед Лу Цзи и многими другими, как он, переселенцами из У стояла еще одна, уже отмечавшаяся выше проблема: их приниженное положение в Цзинь. Особенно она касалась представителей знатных семейств, тесно связанных с императорским родом У, закончившим свое правление позорной сдачей последнего усюкого императора цзиньским властям: 孙皓穷蹙请降, 送玺绶于琅邪王伧 (Книга Цзинь, 1974, т. 1, с. 71) / «будучи в безнадежном положении, Сунь Хао обратился с мольбой о капитуляции и отослал свою императорскую печать на шелковом шнуре ланьескому принцу [Сыма] Чжоу (дяде цзиньского императора Уди. – И. С.)», а позднее, когда армия Цзинь достигла столицы усюкого царства Цзянье, 大惧, 面缚舆榇, 降于军门 (Книга Цзинь, 1974, т. 1, с. 71) / «в великом страхе, с завязанными за спиной руками и повозкой с положенной в нее гробом сдался перед входом в военный лагерь» командующему цзиньской армией, который 受皓之降, 解缚焚榇, 延请相见 (Записи о трех царствах, 1982, т. 5, с. 1177) / «принял его капитуляцию, развязал ему руки, сжег гроб и пригласил к себе на личную встречу». В результате он был возведен цзиньским императором Уди в ранг «сдавшегося и покорившегося хоу» *гуйминхоу* 归命侯, получил личную повозку, землю, годовое жалованье, а его наследник и сыновья – невысокие чины в империи (Записи о трех царствах, 1982, т. 5, с. 1177). До этого род Сыма в 263 г. также покорил царство Шу, а в 265 г. принял «добровольное» отречение правителя Вэй и основал империю Цзинь как законную преемницу вэйского престола по традиции официальной передачи власти в ряду императорских домов Хань (206-220 гг.) и Вэй (220-265 гг.). В данном случае власть и даже само существование царств Шу и У, оказываясь вне указанной линии преемства, становились «незаконными» (как известно, в народном сознании, отразившемся в книжной эпосе «Троецарствие» XIV в., законным наследником ханьского престола признавался правитель царства Шу). Таков был политический аспект униженного положения выходцев из У, особенно затрагивавший представителей именитых семей, чья слава, имя, достигнутые на службе «незаконным» государям, утрачивали смысл и ценность.

Лу Цзи и Лу Юнь, судя по их биографиям и произведениям, с подобной дискредитацией своих предков смириться ни при каких условиях не могли. Так, Лу Цзи, отвечая в стихотворении на адресованную ему от имени Цзя Ми эпистоле Пань Юэ, в которой тот осмеивал государей У, «узурпировавших титул царя» *цянь хао чэн ван* 僭号称王, образно набросал противоположную ортодоксальной передаче власти картину недавней истории, где У и Шу представляли в политическом и моральном плане не менее достойными или, иначе говоря, не менее законными, чем Вэй и Цзинь (Лю Юньхао, 2020, с. 41; Литературный сборник, 1959, т. 2, с. 524-525). А в упоминавшемся ранее политическом эссе «Рассуждение, расследующее гибель [государства]» он вообще ставил родное княжество У по многим основным достижениям в социально-политической, нравственной и культурной сферах выше других государств эпохи «Троецарствия» (220-280 гг.), подчеркивал особый вклад своих предков в его укрепление (видя, например, в ситуации, когда не стало его отца, причину «разорения страны» *банго тяньцуй* 邦国殄瘁) и объяснял проигрыш в войне с Цзинь не превосходством противника, а «недостатками» *бин* 病 последнего усюго государя, приведшими к «ошибкам» *ши* 失 в подборе чиновничьих кадров (Литературный сборник, 1959, т. 2, с. 1149-1159).

В контексте такого понимания исторических событий успешная личная карьера, внешне мотивированная желанием содействовать политической стабилизации в Цзинь, становилась для Лу Цзи средством восстановления доброго имени не только своей семьи, но и правившего в У императорского рода Суней, с которым она была неразрывно связана политическими и кровно-родственными узами. Не случайно его семья отличалась среди четырех наиболее известных «фамилий» *син* 姓 царства У именно «преданностью» *чжун* 忠 престолу (Лю Ицин, 1989, т. 1, с. 268). Добиваясь успехов на чиновничьем поприще, он тем самым также следовал важнейшей конфуцианской добродетели «сыновней почтительности» *сяо* 孝, ибо слава сына не дает потускнеть имени отца, а в данном случае оба брата стремились возродить личными достижениями в карьере померкшую славу предков. И они старались привлекать к службе в Цзинь выходцев из У, окружали себя ими и даже могли упрекать тех, кто ее покидал, образуя как бы коллективную силу соотечественников, преследующих общую цель реабилитации прошлого своих семей и родного края. Это было для них тем, что сейчас мы назвали бы восстановлением исторической справедливости.

Но проблема заключалась в выборе средств для достижения поставленной цели. Служба Лу Цзи самозваному «канцлеру» и «императору» – наиболее очевидное тому свидетельство. Можно ли назвать такую позицию беспринципной? Сам Лу Цзи в данном случае следовал определенным принципам. Одним из них было его убеждение в возможности сохранять «честность» *гэнцзе* 耿介 на службе недостойному правителю. Он выражал эту позицию в таких, например, метафорах: «отдыхать в тени плохого дерева» *си э му инь* 息恶木阴 или «утолять голод в пещере свирепых тигров» *цзи ши мэн ху ку* 饥食猛虎窟, см. *Мэнхусин* 猛虎行 (Литературный сборник, 1959, т. 1, с. 605). И ему даже в самые критические моменты, видимо, все же удавалось придерживаться ее, как в том случае, когда он, несмотря на то, что был назначен Сыма Лунем «секретарем государственной канцелярии», сумел избежать участия в подготовке ложных документов об отречении от власти законного императора. Конечно, и просто числиться на службе незаконному правителю тоже было не совсем «честно», но Лу Цзи выбирал это меньшее из зол ради продолжения карьеры, мотивированного высокими интересами семьи и отечества. В конфуцианстве подобный выбор ради высокой цели вполне допускался (например, идеальному правителю Шуню было предпочтительнее жениться, не сообщая об этом своим родителям, чем оставлять их без потомков (Мэнцзы в новом переводе..., 2016, с. 483)). Он избегал также «щепетильности» или «малой верности» *лян* 谅, характерной для «простых людей», поступая в данном случае по одобренному Конфуцием примеру Гуань Чжуна (не случайно Лу Цзи упомянул этого реформатора в беседе с Сыма Ином накануне рокового похода, см. выше), который сначала служил одному правителю, а когда тот был убит своим братом, стал служить его убийце ради великих достижений, совершенных им впоследствии (Ранняя конфуцианская проза..., 2016, с. 146).

Но Лу Цзи, чтобы в столь рискованное время продолжать служить, все же должен был на что-то рассчитывать. И его расчет тоже находил обоснование в конфуцианском учении, в одной из главных «техник» поведения Конфуция и *Мэнцзы* – «приспособления к обстоятельствам» *цюань* 权 (Ранняя конфуцианская проза..., 2016, с. 114, 355). Эта техника заключалась в нахождении соответствия своего поведения «времени» или «моменту» *ши* 时. Мэнцзы, стремясь поступить советником к князьям в период ожесточенных междоусобных войн «Сражающихся царств» Чжаньго 战国 (V-III вв. до н.э.), разрабатывал и проверял на практике именно ее, ибо считал, что чем неблагополучнее в социально-политическом плане время, тем в большей степени оно подходит для установления человеческого, т.е. наилучшего, правления, и он был готов добиваться такого результата, даже на службе заурядному правителю, только благодаря соответствию своих действий моменту (Ранняя конфуцианская проза..., 2016, с. 233-235). На то же соответствие рассчитывал и Лу Цзи, когда столь настойчиво пробивался к вершинам власти. В его Предисловии к «Оде о выдающихся мужах» *Хаошифу* 豪士賦 мы находим рассуждение, очень близкое по мысли к этому месту книги *Мэнцзы* с почти полной цитатой из нее: 是故苟时启于天, 理尽于民; 庸夫可以济圣贤之功, 斗筭可以定烈士之业. 故曰: 才不半古, 而功已倍之, 盖得之于时势也 (Литературный сборник, 1959, т. 2, с. 1005). / «Стало быть, если Небом зачинается момент, а человеком постигаются принципы, то заурядные мужи могут добиваться достижений мудрецов и достойных людей, посредственности могут совершать деяния героев. Вот почему и говорится: “с талантом более чем наполовину меньшим по сравнению с древними результата будет вдвое больше”. Это достигается благодаря моменту и случаю». Под «заурядными мужами» и «посредственностями» Лу Цзи имеет в виду не только принца Сыма Цзюна, в целях критики которого, как отмечается в *Цзиньшу* (Книга Цзинь, 1974, т. 5, с. 1473), он написал это Предисловие, но и вообще цзиньских правителей того смутного времени. То, что «воспользоваться

случаем» *чэн ши* 乘勢 (Ранняя конфуцианская проза..., 2016, с. 234) Лу Цзи не удалось и результат для него оказался трагичным, не принижает его ума и характера. Не будем забывать, что ни Конфуций, отличавшийся «своевременностью», ни Мэнцзы, ценивший умение «приспосабливаться к обстоятельствам», не смогли осуществить при жизни своих идеалов. Лу Цзи и не питал каких-то особых надежд на успех. Здесь образцом для него тоже был Конфуций, получивший однажды такую характеристику: 是知其不可而为之者与 / «Не тот ли это, кто продолжает делать то, в чем, как он знает, ему не достичь успеха?» (Ранняя конфуцианская проза..., 2016, с. 150). В поведении Лу Цзи просматривается добровольная устремленность навстречу своему трагическому финалу, который он считал для себя вполне вероятным и проявлял при этом конфуцианскую автаркию, наиболее полно раскрытую и обоснованную в философии Мэнцзы (Мэнцзы в новом переводе..., 2016, с. 404-406, 648-649).

Вместе с тем ориентация на «своевременность», свойственная основателям конфуцианской традиции, обеспечивает для их влияния и авторитета в исторической перспективе непрерывно возрастающий эффект, который у Лу Цзи дает его творчество, в том числе и в наибольшей степени «Ода о литературе». В этом аспекте у поэта обнаруживается примечательная аналогия между государственной службой и литературным творчеством: как политик использует политические «моменты» *ши* 时, «зачинаемые Небом» (см. выше), так и писатель в процессе создания произведения не упускает творческих «моментов» *цзи* 机, относящихся к «небесному импульсу» *тянь цзи* 天机 – своему вдохновению (Литературный сборник, 1959, т. 1, с. 352, 356). Главным и в политике, и в литературе становится принцип соответствия. В то же время этот принцип в обеих сферах преследовал одну общую цель – достижение образца. Лу Цзи, став цзиньским чиновником, стремился прежде всего к тому, чтобы быть образцовым сыном и подданным в исторической памяти своего семейства и отечества. Но противоречие между идеалом и действительностью с каждым годом только возрастало, достигнув максимума в последние несколько лет его жизни, когда он был, по существу, втянут в «распри восьми принцев». Очевидно, что такой диссонанс тогда им очень остро переживался, и это переживание вполне могло повлиять на написание «Оды о литературе», поэтического труда, в котором главной проблемой становится создание образцового литературного произведения (Семененко, 2022, с. 55). Он как бы компенсировал в своих изысканиях по теории литературы то, что недоставало ему в жизни.

Один из начальных разделов «Оды о литературе», посвященный описанию предварительных условий, способствующих пробуждению творческого вдохновения, Лу Цзи заканчивает строками: 概投篇而援笔, 聊宣之乎斯文。 / «В волнении отбросив книгу, беру кисть, чтобы дать выход этому в литературе» (Литературный сборник, 1959, т. 1, с. 350). Здесь конец строки «в литературе», в дословном переводе «в этой *вэнь*» (*сы вэнь*), представляет собой аллюзию на зафиксированное в *Луньюе* (Ранняя конфуцианская проза..., 2016, с. 108) высказывание Конфуция, который в минуту опасности, сославшись на наличие у него «этой *вэнь*» (означала тогда не литературу, а культуру, просвещенность), воспринятой им от древнего мудреца-правителя Вэньвана, выразил уверенность в том, что находится в безопасности под защитой Неба. В данном случае Лу Цзи через аллюзию проводит аналогию между собой и Конфуцием: как Конфуций был носителем *вэнь*, т.е. исключительным авторитетом в завещанной премудрыми царями культуре, так и поэт осознает себя среди современников наиболее сведущим мастером и знатоком, но только в области уже не *вэнь* как культуры, а *вэнь* как художественной словесности, подтверждая свое положение «Одой о литературе», имплицитно свидетельствующей о том, что он в критически опасной для него ситуации «распри восьми принцев» тоже находится под небесным покровительством.

Заключение

В результате проведенного исследования мы приходим к следующим выводам. Рассмотрение биографических сведений о Лу Цзи, содержащихся в ранних китайских источниках, позволяет разделить его жизнь на два основных периода: первый из них относится к детским и юношеским годам поэта в родном ему царстве У, второй – к его молодости и зрелому возрасту, когда он сначала уединенно жил с семьей, а потом служил чиновником в завоевавшей их отечество империи Цзинь. Эти периоды также могут быть разделены на два и три этапа соответственно. Главной морально-политической проблемой второго периода жизни Лу Цзи было восстановление доброго имени предков своей семьи и императорского рода царства У. Эта задача в значительной мере обуславливала его приверженность чиновничьей службе в цзиньской империи, проявлявшуюся им, невзирая на правление эгоистичных правителей того времени. Позиция Лу Цзи не была беспринципной, ибо он в данном случае следовал таким разработанным еще Конфуцием и Мэнцзы принципам конфуцианской философии, как «своевременность» *ши* 时 и «приспособление к обстоятельствам» *цюань* 权. В то же время его чиновничья активность не была только средством восстановления исторической справедливости в отношении своего родного пепелища, но также мотивировалась желанием добиться политической стабилизации Цзинь. Несмотря на то, что творчество Лу Цзи могло испытывать влияние различных течений китайской мысли, он в своей публичной деятельности до конца оставался последовательным конфуцианцем. Обнаруживается также аналогия между политической технологией Лу Цзи в то смутное время и поэтикой его «Оды о литературе», дающая определенное основание считать, что это произведение было написано им в пору «распри восьми принцев», т.е. в последние несколько лет жизни автора, а может быть, даже в один из самых драматичных для него годов: 301, когда он ложно обвинялся в поддержке узурпатора и мог быть казнен.

Перспективу дальнейшего исследования мы видим в подробном и всестороннем изучении наиболее значимой во всем творчестве Лу Цзи «Оды о литературе», поэтому в двух следующих статьях планируется рассмотреть технологию литературной рефлексии и всю систему поэтики этого произведения.

Источники | References

1. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: в 2-х кн. М.: Вост. лит., 2002.
2. Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и Средних веков. М.: Вост. лит., 1979.
3. Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исслед., пер. с кит., примеч. и прил. И. И. Семеновко. М.: Вост. лит., 2016.
4. Ранняя конфуцианская проза: «Луныюй». «Мэнцзы» / пер. с кит. и предисл. И. И. Семеновко. М.: Вост. лит., 2016.
5. Семеновко И. И. Категория произведения в «Оде о литературе» Лу Цзи // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (г. Москва, 14-22 апреля 2022 г.): материалы научной конференции / Институт стран Азии и Африки; отв. ред. А. А. Маслов. М.: ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022.
6. Lu Chi's "Wen fu", A.D. 302 / a Translation and Comparative Study by E. R. Hughes; with a Forenote by I. A. Richards. N. Y.: Bollingen Foundation, Inc., Pantheon Books, Inc., 1951.
7. 顾兆祿 魏晉玄風与陆机《文賦》的思辨性 // 南京社会科学. 1994年. 10期 (Гу Чжаолю. Тенденция к сокровенному в эпохи Вэй, Цзинь и аналитичность «Оды о литературе» Лу Цзи // Общественные науки Нанкина. 1994. № 10).
8. 杜工部詩集: 全二册. 北京: 中华书局, 1957 (Ду Фу. Собрание стихотворений: в 2-х т. Пекин: Чжунхуа, 1957).
9. 三国志: 全五册 / 陈寿撰 裴松之注. 北京: 中华书局, 1982 (Записи о трех царствах: в 5-ти т. / сост. Чэнь Шоу, коммент. Пэй Сунчжи. Пекин: Чжунхуа, 1982).
10. 中國美學史: 全五册 / 李泽厚, 刘纲纪 主编. 北京: 中国社会科学出版社, 1990 (История китайской эстетики: в 5-ти т. / гл. ред. Ли Цзэхуо, Лю Ганцзи. Пекин: Общественные науки Китая, 1990).
11. 晋书: 全十册 / 房玄龄等撰. 北京: 中华书局, 1974 (Книга Цзинь: в 10-ти т. / сост. Фан Сюаньлин и др. Пекин: Чжунхуа, 1974).
12. 文选: 全二册 / 萧统选, 李善注. 北京: 商务印书馆, 1959年. 1545 页 (Литературный сборник: в 2-х т. / сост. Сяо Тун, коммент. Ли Шаня. Пекин: Коммерческое издательство, 1959).
13. 刘运好. 陆机陆云考论: 全二册. 北京: 中华书局, 2020 (Лю Юньхао. Исследования по Лу Цзи и Лу Юню: в 2-х т. Пекин: Чжунхуа, 2020).
14. 刘义庆. 世说新语校笺: 全二册 / 徐震堃 著. 北京: 中华书局, 1989 (Лю Ицин. Новые рассказы, поведанные в мире: в 2-х т. / со сверкой и коммент. Сюй Чжэньэ. Пекин: Чжунхуа, 1989).
15. 蒋祖怡. 陆机《文赋》札记 // 宁波师专学报. 1982年. 02期 (Цзян Цзуи. Записки при чтении «Оды о литературе» // Журнал колледжа учителей начальной школы в Нинбо. 1982. № 2).
16. 姜剑云. 陆机研究综述 // 文献来源 古代文学理论研究. 2001. 第十九辑 (Цзян Цзяньюнь. Общий обзор исследований по Лу Цзи // Литературные источники: исследования по литературной теории эпохи древности. 2001. 19 т.).
17. 張少康, 劉三富. 中国文学理论批评发展史: 全二册. 北京: 北京大学出版社, 1996年 (Чжан Шаокан, Лю Саньфу. История развития литературной теории и критики в Китае: в 2-х т. Пекин: Пекинский университет, 1996).
18. 钟嵘. 诗品集注 / 曹旭集注. 上海: 上海古籍出版社, 2011 (Чжун Жун. Категории стихов / сводные коммент. Цао Сюя. Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, 2011).

Информация об авторах | Author information

Семеновко Иван Иванович¹, к. филол. н., доц.

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Semenenko Ivan Ivanovich¹, PhD

¹ Lomonosov Moscow State University

¹ yise@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.07.2022; опубликовано (published): 31.08.2022.

Ключевые слова (keywords): Лу Цзи; литература; царство У; империя Цзинь; государственная служба; Lu Ji; literature; Kingdom of Wu; Jin Empire; public service.